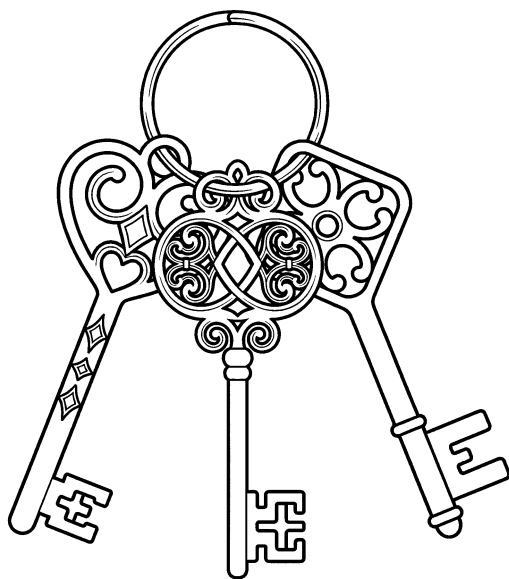

Часть первая

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Негодяй

Он позвонил через двадцать лет.

— Привет, Лен, — сказал он в трубку так, словно они только вчера расстались.

— Привет, Саш, — ответила она, радуясь, что мужа в этот момент не было рядом.

— Я через неделю, в следующий вторник, буду проездом на один день в Хабаровске. Ты же все еще там живешь?

— Да, все еще там, — усмехнулась Лена.

— Я бы очень хотел тебя увидеть, — эта его нежность в голосе мгновенно перенесла ее на двадцать лет назад.

— Я тебя тоже. Но не знаю, получится ли, — с сомнением в голосе ответила она.

— Буду рад, если получится.

Он не уговаривал и не настаивал. Никогда. И тогда, двадцать лет назад, это было большее всего.

В классе они считались парой — Лена и Саша. Он второгодник, она отличница. Она нежная красавица, он сутулый жилистый боксер. Она решала на контрольных

оба варианта — его и свой, он провожал ее домой и приносил дары. Так мама, смеясь, называла подарки Лениного кавалера. То бидончик брусники, которую он собрал в лесу, когда ездил с родителями по ягоды, то рыбу, пойманную с отцом на рыбалке, то отросток алоэ, то детеныша хомяка.

В младших классах они были лучшими друзьями. Им было бы не миновать звания «тили-тили тесто, жених и невеста», если бы Сашка не был пацанским лидером и авторитетом, пресекавшим любые намеки одним взглядом.

Когда они были в шестом классе, у Сашки умерла мама. Он две недели не ходил в школу, никого не хотел видеть, кроме Лены. Она приходила, обнимала, и они вместе плакали.

Однажды Сашка на тетрадном листе в клетку нарисовал дом — вид снаружи и вид сверху без крыши. Два этажа, шесть комнат — по три на каждый этаж. Их будущий дом. Им, детям, выросшим в хрущевках с крошечной кухней, даже в мечтах было сложно представить себе что-то роскошнее и просторнее, чем шестикомнатный дом.

Первый поцелуй в пятнадцать. Лена после него еще несколько дней в себя не могла прийти, снова и снова вспоминала, как Сашка, отдавая портфель возле подъезда, внимательно посмотрел ей в глаза.

— Ресничка упала, — протянув руку, он нежно снял ресницу с ее щеки и поднес пальцы с зажатой в них ресницей к ее губам. — Загадывай желание, сдувай ресничку, и оно обязательно сбудется.

Лена загадала, чтобы они были вместе навсегда, и сдула ресницу, коснувшись губами Сашиных пальцев.

Он, наклонившись, осторожно коснулся губами ее губ, и Лене в этот миг показалось, что все звуки вокруг исчезли, словно мир вокруг замер, поставленный на паузу. А когда их губы разомкнулись, звуки с такой силой обрушились на Лену, что в голове зазвенело.

— Пока. Я позвоню, — нежно улыбаясь, смотрел на нее Сашка.

Это был девятый класс, последний год их отношений. Хотя можно ли это было назвать отношениями, Лена не знала. Они вместе гуляли вечерами в одной компании, он провожал ее после школы, они могли часами болтать по телефону, но поцелуев больше не было.

После девятого класса Сашка ушел учиться в техникум, а Лена пошла в десятый. И как-то все изменилось. У него появились новые друзья, другая компания. Вечерами они частенько стали гулять порознь — он с пацанами с техникума, она с девчонками из класса.

Они по-прежнему созванивались, обсуждали все на свете, но времени друг с другом проводили все меньше. Лена, занятая подготовкой к поступлению в вуз, не сразу заметила, как они с Сашкой отдалились.

А потом узнала, что у него есть девочка. Случайно узнала, от бывших одноклассников, тех, кто ушел из школы после девятого, как и Сашка. Ее звали Ксюша, училась в параллельном. Полная противоположность хрупкой блондинке Лене — крупная брюнетка с вьющимися волосами и ямочками на щеках. Лене она не нравилась за задиристость и наглость.

Проплавав ночь, Лена на следующий день позвонила Сашке.

— Говорят, у тебя новая девочка? — дрожащим от слез голосом спросила она.

— Почему новая? Просто девочка. Ксюша, ты ее знаешь, — без тени смущения ответил Сашка.

— А я тогда кто?

— Ты мой друг. Лучший друг, — с замешательством ответил Сашка.

— Ты меня целовал, разве друзья целуются?

— Не знаю, — растерялся Сашка. — Наверное, иногда да.

Лена положила трубку, легла в кровать, а утром не смогла подняться от сильнейшего жара. Температура под сорок держалась семь дней, хотя никаких признаков болезни не было — ни кашля, ни насморка, ни хрипов в груди. Лену положили в больницу, обследовали вдоль и поперек, но ничего не нашли. Так выгорала в ней первая любовь.

Сашка звонил, даже приходил в больницу, совершенно не чувствуя за собой никакой вины. Всегда был неизменно нежен и внимателен, приносил яблоки и шоколадки.

После того, как Лена выздоровела, они с Сашкой изредка встречались в компаниях, иногда болтали по телефону. У Лены появился парень, но Сашку это не задевало, у него была Ксюша.

Когда Лена уехала учиться в университет, они первое время с Сашкой переписывались. Его бумажные письма она хранила до сих пор.

В следующий раз Лена встретила с Сашкой, когда ей было двадцать. Она училась в университете, приехала на каникулы к родителям, а он как раз вернулся из армии. Ксюша его не дождалась, вышла

замуж и уже родила. Это Лене успели рассказать общие знакомые.

— Привет, Лен, — услышала она такой родной голос, взяв трубку домашнего телефона в родительской квартире, — я очень соскучился.

— Привет, Саш, я тоже, — выдохнула она.

Он позвал ее в гости, она надела мини-юбку и высокий каблук. Их дома были в пяти минутах ходьбы друг от друга, она знала каждую выбоину по дороге к его дому, но он все равно за ней зашел.

— Ого, какая ты!

Лена, и правда, была хороша — самая красивая девушка на курсе, так не раз говорили ей одногруппники. И парень у нее был, ждал сейчас ее там, в другом городе. Красивый, умный, перспективный. Но Сашкины слова заставили забыть обо всем.

Дома у Сашки ждал накрытый стол — запеченная картошка с рыбой, салат из огурцов и помидоров, порезанный лимончик и бутылка коньяка. Арарат, пять звездочек. Старался. Для нее.

Они пили коньяк, смотрели Сашкин дембельский альбом, говорили, перебивая друг друга, хохотали и целовались так, словно без этих поцелуев они задохнутся и умрут.

Когда Лена осталась в одних трусиках и бюстгалтере, она встала с дивана и стала молча одеваться. Не так все должно было быть. Вот только как, она не знала.

— Я тебя провожу, — пружинисто спрыгнув с дивана, натянул джинсы Сашка.

Он не спросил, почему она уходит, не уговаривал остаться. Словно ему и так все было понятно.

Вечер был прохладный, он накинул Лене на плечи свою куртку и приобнял.

На следующий день он позвал ее съездить на шашлыки с друзьями, отпраздновать его возвращение из армии. Было легко и весело, всех его друзей она знала, и все они воспринимали их как пару, не задавая вопросов.

Эти летние каникулы Лена помнила до сих пор. Было все и именно так, как надо. И все последующие отношения сравнивались с тем эталонным месяцем любви.

Но когда пришло время расставаться, чтобы ехать на учебу, Сашка ничего не предложил. Он не говорил, что приедет, не обещал, что будет ждать, не спрашивал, как они теперь будут дальше. Они просто попрощались, и он пообещал писать. И даже написал несколько писем.

Потом они встретились еще раз через год, когда Лена прилетела на похороны матери. Рыдала у Сашки на плече, а он целовал ее соленые от слез щеки. Плакала ночами у него в постели, а он крепко обнимал. Те полтора месяца он не отпускал ее ни на шаг, взял на себя все хлопоты по организации похорон и поминок, потому что отец от горя слег в больницу с инфарктом. Сашка был нежным, внимательным и сильным. Он мог все решить и со всеми договориться. Лена тоже все могла, она из тех, кто и коня на скаку, и в горящую избу, и колесо поменять, если понадобится, хотя и выглядела как нежный цветочек. Но Сашка подхватил ее в объятия и нес, не замечая тяжести.

А когда пришло время уезжать, он ее отпустил. Ничего не просил, не предлагал и не уговаривал

остаться. И Лена уехала в свою жизнь. Туда, где ждал уже бывший парень, потому что он не Сашка. Никто не Сашка.

Они переписывались — по паре писем в год. Потом появились сотовые телефоны, и они поздравляли друг друга на Новый год, двадцать третье февраля, восьмое марта и на дни рождения. Она поздравила его, когда он женился, девушка была на двенадцать лет моложе. Сашке было двадцать девять, его невесте семнадцать.

— Сашка, за несовершеннолетних это статья, а не тост, — пошутила Лена.

О свадьбе она узнала от знакомых. Подробности личной жизни они не делились друг с другом. Он никогда ни о чем не спрашивал, она тоже.

В тридцать пять Лена вышла замуж за того, кто не Сашка, а даже лучше. С кем можно говорить обо всем на свете, хохотать, читать ему вслух любимые книги, а он будет внимательно слушать, не отвлекаясь, с кем можно и в разведку, и на край света, и в гости к подружке. Он везде на своем месте. И он знает, что ты сильная, можешь в горящую избу и коней на скаку, два высших получить и карьеру сделать, но для него ты все равно цветочек, который нужно оберегать.

Она родила ему двух сыновей, а он построил дом. Шесть комнат, два этажа. О Сашке вспоминала только тогда, когда приходили сообщения с поздравлениями на праздники. Она писала дежурное поздравление в ответ и тут же забывала.

И вот когда уже все зажило, даже шрама почти не осталось, он позвонил. Первой мыслью было не пойти. Лена боялась, что шрам вскрыется и опять начнет болеть.

Мужу она историю своей первой любви не рассказывала, хотя была с ним предельно откровенна во всем, кроме этой части своей жизни. А если пойти на встречу с Сашкой, то придется как-то объяснять мужу, куда она пошла вечером. Врать, получается.

Всю неделю она терзалась сомнениями. Была у Лены давняя близкая подруга, знавшая всю эту историю, помогавшая тогда Лене собирать себя по кусочкам. Но даже с ней Лена не стала обсуждать Сашкин приезд. Она хотела принять решение сама.

В день прилета Сашка написал сообщение: «Я в Хабаровске. Очень хочу тебя увидеть». Лена, глубоко вздохнув, ответила: «Очень жаль, но у меня, скорее всего, не получится». И тут же прилетел ответ: «Если вдруг что-то изменится, пиши или звони, я вечером свободен». «А я нет», — подумала Лена.

День на работе выдался таким непростым, что в бесконечных переговорах и встречах Лена забыла о Сашке, о встрече с ним и о своих терзаниях. А перед самым окончанием рабочего дня позвонил муж и сказал, что ему тут по случаю достались три билета на хоккей, он сейчас заедет домой, заберет детей и помчит с ними на игру. Лена не верила в знаки и судьбу, но в тот вечер истолковала звонок мужа как знак, что встреча с Сашкой неизбежна.

«Я смогу приехать на пару часов», — написала она сообщение.

«Откуда тебя забрать?», — тут же прилетел ответ.

«Я приеду сама», — ответила Лена.

Встречу она назначила в маленьком кафе, куда любила ходить с подругой, уютные диванчики там были с очень высокими спинками, отчего создавали

ощущение приватности, словно ты сидишь в отдельной кабинке.

Сашка ждал ее у входа — за эти двадцать лет он вообще не изменился, не постарел, будто время обошло его стороной. Ни пивного живота, ни двойного подбородка, на которые втайне надеялась Лена.

— Лена, ты вообще не изменилась, даже еще краше стала! — воскликнул Сашка, обнимая ее.

Не было неловкости, скованности, казалось, они расстались пару дней назад, но за эти дни столько всего произошло, что они говорили не умолкая, перебывая друг друга и перескакивая с темы на тему. Показывали друг другу фото детей — у Сашки было четверо сыновей! Хвастались карьерным ростом — бывший двоечник стал руководителем крупной компании, а отличница — основательницей и владелицей медицинской клиники.

Жена у Сашки была хоть и моложе на двенадцать лет, но, судя по фото, была женщиной полной, даже грузной, с круглым румяным лицом и короткой стрижкой, по виду добродушная и очень простая. «Четверых детей роди и посмотрим на тебя», — мысленно попыталась угомонить свое злорадство Лена.

— Расскажи, как ты познакомился с женой? Как ее зовут? — попросила Лена.

— Аней зовут, и это она со мной познакомилась, — засмеялся Сашка, — я вообще не планировал ничего такого, тем более жениться. Я в то время работал у нас в компании вахтами, месяц здесь, месяц там. Возвращался — частенько с парнями в баре сидел. Они как раз музыкальную группу создали, играли в этом баре по выходным. А для друзей группы был столик возле

сцены, я за этим столиком пиво пил, на девчонок смотрел, — подмигнул Сашка. — В один из таких вечеров ко мне подошла девушка и пригласила на медленный танец. Потанцевали разок, ничего такого. В следующий вечер она опять была в баре и снова меня пригласила на танец. Разговорились, конечно. Она сказала, что часто меня здесь видит, и я всегда такой грустный, серьезный и не пристаю к девушкам, не то что другие мужчины. Я тогда чуть не расхохотался над этим «грустный и серьезный», потому что я в тот период, бывало, выпивал лишнего и был просто сонный, а вовсе не грустный. В общем, проводил ее до дома. На следующий день опять в баре встретились, и я уже ее до своего дома проводил. Ну и как-то все закрутилось, начали встречаться, а через две недели я узнал, что она несовершеннолетняя. Ей семнадцать было, представляешь?

— А ты сразу не спросил, сколько ей лет? — уточнила Лена.

— Нет, а зачем? Мне как-то и в голову не пришло спрашивать, она выглядела взрослой. А оказалось, что школьница, — смешно выпучил глаза Сашка.

— А тебе вообще, что ли, не было интересно, сколько ей лет, чем занимается?

— Если честно, то нет. Мы в тот период вообще мало разговаривали, — засмеялся Сашка, — тем более, я после вахты в мужском коллективе был, там наговорился.

— Ну и что дальше? Она тебе угрожала полицией?

— Да нет, что ты. Она влюбилась в меня. А я за нее вроде как ответственность чувствовал, с мамой ее познакомился, отца у нее не было. Через три месяца

мы поженились. Помню, из школы ее встречал, она в нашей с тобой школе училась. Завуч, Ирина Леонидовна, меня увидела, узнала и так обрадовалась. Спрашивает: «Зачем это ты, Сашенька, в школу пожаловал, соскучился, что ли?». И прямо в этот момент Аня по коридору идет. Обычно она как взрослый нормальный человек одевалась, а тут два хвостика сделала, юбочку короткую надела, гольфы и такой рюкзачок за спиной. Ну просто первоклашка! Подходит, меня под руку берет, Ирина Леонидовна аж дар речи потеряла. И как только у меня спина от ее взгляда не загорелась. Вот с тех пор так и живем. Я работаю, Аня дома с детьми. Она пятого хочет родить, надеется на девочку, а я не уверен, что опять хочу проходить этап с маленьким ребенком и бессонными ночами.

— А ты прям вставал к детям, помогал жене? — заинтересовалась Лена, потому что ей муж очень помогал, временами даже казалось, что это она ему помогает, а не он ей.

— Если честно, то младенчества всех своих детей я толком и не видел. Много работы. Сначала вахты, потом частые командировки, филиалы по всей стране. Сейчас меньше езжу, все больше в офисе.

— И все равно не хочешь? Есть шанс как следует почувствовать бессонные ночи, — прыснула Лена.

— Мне кажется, я для этого уже стар, — усмехнулся Сашка, долгим взглядом посмотрев на Лену.

— Мне пора, Саш, — взглянула на часы Лена, удивившись, как быстро пролетели два часа.

— Я отвезу тебя домой, у меня здесь служебный автомобиль, водитель ждет.

— Нет, я сама за рулем.

— Тогда провожу тебя до машины.

Сашка восхищенно присвистнул, увидев новенький дорогой внедорожник Лены.

— Муж молодец или сама?

— И то и другое, — усмехнулась Лена.

Они обнялись на прощанье.

— Очень надеюсь увидеть тебя раньше, чем через следующие двадцать лет, — засмеялся Сашка, — хочется видеть тебя чаще. Это были восхитительные два часа, спасибо!

— Саш, скажи, а почему у нас ничего не получилось? — мучивший столько лет вопрос слетел с языка Лены.

— Я сам много лет себе этот вопрос задаю, — Сашка замолчал, покусывая губу. Лена помнила эту его привычку с детства, он кусал губы, когда сильно волновался. — Годами всех женщин с тобой сравнивал. Но рядом с тобой я всегда чувствовал себя недостаточным. Ты писала за меня контрольные, была умнее, стремилась к чему-то, хотела уехать из нашего городка. Я за тобой не успевал, — Сашка пригладил волосы и, глубоко вздохнув, как перед прыжком в воду, сказал: — В плохих фильмах негодяи всегда говорят женщинам, что расставание было по причине того, что они, негодяи то бишь, были недостойны этих прекрасных женщин. Скажу, как негодяй, — я тебя был недостойн. Сейчас мне очень хочется сказать, что я тебя уже достоин, но у меня четверо детей, и такой автомобиль я тебе купить не смогу. И, если быть до конца откровенным, я надеялся, что ты растолстела и постарела, но ты так хороша, что мне от этого даже больно.

— Вот ты негодяй, — рассмеялась Лена, садясь в машину и радуясь, что Сашка не потянулся ее целовать.

— Но раскаявшийся негодяй. Учти это, Лена, — подмигнул Сашка.

— Суд учтет ваше раскаяние при вынесении приговора, — деланно строгим голосом ответила Лена и, хлопнув дверь машины, уехала, послав на прощанье воздушный поцелуй.

В зеркало заднего вида она видела, что Сашка смотрит ей вслед и машет рукой.

Лена выдохнула, впервые по-настоящему почувствовав, что прошлое осталось в прошлом.